

Шиллер Ф. Законодательство Ликурга и Солона filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Фридрих Шиллер

Законодательство Ликурга и Солона.

Чтобы надлежащим образом оценить замысел [Ликург – Государственное устройство, приписываемое Ликургу, относится современной наукой в основном к VIII в. до н. э. Существование самого законодателя хотя и представляется правдоподобным, однако не подтверждено историческими свидетельствами. С V в. до н. э. в Спарте существовал культ Ликурга – бога света.], необходимо воскресить в памяти политическое положение Спарты тех времён и ознакомиться с государственным устройством лакедемонян, каким оно было в те дни, когда Ликург огласил свой проект преобразований.

Во главе государства стояли два царя, облечённые равную властью; они непрестанно соперничали друг с другом, и каждый из них стремился приобрести как можно больше приверженцев, дабы, опираясь на них, ограничить могущество своего соправителя. Это соперничество, унаследованное от первых царей, Прокла и Эврисфена, переходило в их династиях из поколения в поколение и сохранилось вплоть до Ликурга; поэтому на протяжении очень длительного периода Спарта была ареною непрекращающихся распрей между двумя партиями. Каждый царь пытался подкупить народ дарованием значительных вольностей; эти поблажки породили в народе дерзость и в конце концов привели к мятежам. Государство пребывало в неустойчивом состоянии; оно металось от монархии к демократии и вследствие частых перемен курса впадало из одной крайности в другую. Границы между правами народа и произволом царей не были определены, богатства сосредоточивались в немногих семьях. Богатые горожане держали в страхе и повиновении бедняков, отчаянье которых находило выход в восстаниях.

Раздираемое внутренними распрями, слабое государство неминуемо должно было стать добычей воинственных соседей или распасться на более мелкие тирании. Такою нашёл Спарту Ликург; неясность границ между властью народа и властью царей, неравномерное распределение достатка среди граждан, отсутствие согласия и стремления к общему благу и полное политическое бессилие были теми недугами, которые в первую очередь предстали взору законодателя и которым он поэтому в составленных им законах уделил преимущественное внимание.

В день, избранный Ликургом для обнародования этих законов, он велел тридцати наиболее знатным согражданам, которых расположил в пользу своего плана, собраться в полном вооружении на рыночной площади, дабы нагнать страху на тех, кто стал бы противиться его предложениям. Царь Харилай полагал, что эти приготовления направлены против него, и, страшась их, укрылся в храме Минервы. Но его успокоили, объяснив суть дела, и он настолько восхитился планом Ликурга, что в дальнейшем оказывал ему деятельную поддержку.

Первое постановление законодателя касалось государственного устройства. Чтобы раз навсегда воспрепятствовать республике метаться от царской тирании к анархической демократии, Ликург поставил между ними, в качестве противовеса и той и другой, некую третью силу: он учредил [Сенат – орган государственной власти, носил название герусии, то есть совета геронтов (старейшин). Герусия выполняла функции верховного суда, а также частично военного совета. Геронты в историческое время были выборными лицами. Оба басилевса (царя) были также членами герусии.]. Сенаторы – их было всего двадцать восемь, а вместе с царями тридцать – обязаны были в тех случаях, когда цари злоупотребляли своей властью, вступаться за народ; когда же, напротив, власть народа становилась чрезмерной, им вменялось в обязанность брать под свою защиту царей. Это было превосходное нововведение, и благодаря ему Спарта навеки избавилась от тяжких междоусобиц, потрясавших её до того времени. Благодаря ему ни одна из сторон теперь не могла попирать другую; против сената, действовавшего совместно с народом, цари были бессильны; равным образом и народ не мог сохранить за собой перевес,

Шиллер Ф. Законодательство Ликурга и Солона filosoff.org
если сенат действовал совместно с царями.

Ликург, однако, не предусмотрел третьей возможности – что и сенат способен злоупотребить своей властью. Являясь промежуточным звеном, сенат мог без особой угрозы общественному спокойствию, с одинаковой лёгкостью объединяться как с царями, так и с народом, но цари не могли объединяться с народом против сената, не создавая этим большой опасности для государства. Сенат не замедлил воспользоваться выгодами своего положения и начал непомерно расширять свою власть, что удавалось ему без особых хлопот, поскольку сенаторов было немного и они легко могли договориться между собой. Поэтому [...продолжатель дела Ликурга восполнил этот пробел и добавил эфоров... – Коллегия эфоров (наблюдателей) состояла из пяти человек. Относительно времени возникновения и функций этого органа существуют большие разногласия во мнениях античных авторов. Главной задачей эфоров был контроль над действиями царей – басилевсов. Полномочия эфоров были чрезвычайно широкими: от них зависел набор ополчения, они контролировали действия царей в походах и имели право привлечь их к суду.], наложивших узду на власть сената.

Намного опаснее и решительнее был второй закон, установленный Ликургом. Согласно этому закону вся земля была разделена между гражданами поровну, дабы навсегда уничтожить различие между богатыми и бедными. Вся Лакония была поделена на тридцать тысяч полей, а земли вокруг города Спарты – на девять тысяч, причём каждое поле было таких размеров, чтобы обеспечить живущей на ней семье достаток. Спарта приобрела чудесный, цветущий облик, и сам Ликург пришёл в восторг от открывшегося его взору зрелища, когда впоследствии объехал страну. «Вся Лакония, – вскричал он, – подобна полю, которое братья по-братски поделили между собой!»

Не менее охотно, чем землю, поделил бы Ликург и движимое имущество, но это его намерение столкнулось с неодолимыми трудностями. Он попытался, однако, добиться осуществления своей цели окольным путём: то, чего он не мог достигнуть приказом, должно было, по его мысли, пасть само собой.

Он начал с того, что запретил золотую и серебряную монету и ввёл вместо неё железную, в то же время присвоив большому, тяжёлому куску железа ничтожную ценность в денежном выражении; поэтому для хранения небольшой суммы требовалось обширное помещение, а для перевозки её – множество лошадей. Вдобавок, чтобы пресечь попытки ценить монету по годности железа для иного употребления и ради этого накапливать его, он предписал назначенное для изготовления денег железо раскаливать докрасна, а затем охлаждать в уксусе; закалённое таким образом, оно становилось непригодным ко всякому иному использованию.

Кто же стал бы при таком положении дел воровать, или соблазняться подкупом, или тщиться копить сокровища, когда даже малый барыш нельзя было ни сохранить, ни использовать?

Отняв этим путём у своих сограждан средства к поддержанию роскоши, Ликург сверх того убрал с их глаз и всё то, что могло ввести их в соблазн. Ни одному иноземному купцу не была нужна спартанская железная монета, а другой у жителей Спарты не было. Всем, кто работал на роскошь, пришлось покинуть Лаконию; ни один чужестранный корабль не входил теперь в её гавани, ни один искатель приключений не являлся в поисках счастья в эту страну, ни один купец не заглядывал в эти края, чтобы взимать дань с суетности и наслаждения, ибо отсюда они могли вывезти лишь железные деньги, во всех других странах не имевшие никакой ценности. Роскоши не стало, ибо не было никого, кто мог бы способствовать её сохранению.

Ликург решил бороться с роскошью ещё и другим способом. Он [Он повелел всем гражданам Спарты питаться за общим столом... – Эти трапезы, носившие название сисситий, или фидитий, были одним из проявлений военизированного быта спартанцев. Женщины к участию в сисситиях не допускались и должны были, напротив, вести довольно замкнутый образ жизни.] в общественном месте и всем потреблять одну и ту же, законом предписанную пищу. Далее было запрещено предаваться у себя дома изнеженности и приготавливать на собственной кухне дорогостоящие блюда. Каждому вменялось в обязанность ежемесячно вносить известное количество съестных припасов для общественных трапез, взамен чего государство отпускало ему пищу. Обычно за каждым столом собиралось пятнадцать граждан; чтобы быть принятым в число сотрапезников, требовалось согласие всех остальных. Никто не смел уклоняться от этой

Шиллер Ф. Законодательство Ликурга и Солона filosoff.org
трапезы, не имея на то уважительных причин; это правило выполнялось столь неукоснительно, что даже Агий, один из последующих спартанских царей, выразивший по возвращении с победоносной войны желание поесть наедине со своею женой, столкнулся с решительным отказом эфоров. Среди кушаний, принятых у спартанцев, особая известность выпала на долю чёрной похлёбки. В похвалу ей говорили, что спартанцам нетрудно быть храбрыми, ибо не такое уж зло умереть, если питаешься их чёрной похлёбкой. Приправой к еде служили веселье и шутки, ибо Ликург и сам был таким другом застольного остроумия, что воздвиг в своём доме алтарь богу смеха.

Введение этих совместных трапез значительно способствовало достижению поставленной Ликургом цели: исчезла роскошная, дорого стоящая утварь, ибо ею невозможно было пользоваться за общим столом. Навсегда было покончено с чревоугодием; следствием этой строгости распорядка и умеренности было крепкое, здоровое тело, и здоровые отцы производили для государства крепких детей. Совместные трапезы приучали граждан к общественной жизни, и они ощущали себя членами одного и того же государственного образования, – излишне упоминать, что одинаковые условия существования, в одинаковой мере влияя на духовный склад граждан, порождали единообразие его.

Другой закон воспрещал кому бы то ни было покрывать свой дом кровлей, сооружённой с помощью каких-либо орудий сверх топора, а двери должны были изготовляться только пилой. В такой жалкой лачуге никому не пришло бы в голову обзаводиться хорошей утварью – ведь всем частностям подобает гармонично сочетаться с целым.

Ликург хорошо понимал, что создать законы для граждан – ещё далеко не всё; пред ним стояла ещё и задача создать граждан, пригодных для этих законов. В душах спартанцев ему надлежало закрепить навеки свои нововведения; в них предстояло ему умертвить восприимчивость к впечатлениям, не способствующим достижению этой цели.

Вот почему наиболее существенной частью его законов были законы, посвящённые воспитанию; ими он как бы замыкал круг, в котором спартанское государство должно было вращаться вокруг самого себя. Система воспитания была наиважнейшим творением государства, а государство – долговечным творением этого воспитания.

Пещась о детях, Ликург распространял свою заботу и на всё то, что связано с деторождением. Девушкам было предписано закалять себя телесными упражнениями, дабы роды у них были лёгкими и дети появлялись на свет здоровыми, крепкими. Более того – девушек заставляли ходить обнажёнными, чтобы приучить ко всякой погоде. Жених должен был похищать девушку, и ему разрешалось навещать её лишь по ночам, украдкой. Таким образом, в первые годы брака супруги мало общались друг с другом и любовь их сохраняла всю свою пылкость.

Какие бы то ни было проявления ревности, даже между супругами, решительно подавлялись. Законодатель подчинил своей основной цели всё без изъятия, в том числе и стыдливость. Даже верностью женщин он пожертвовал, только бы для государства рождались здоровые дети.

Всякий новорождённый принадлежал государству – для матери и отца он был потерян. Ребёнка осматривали старейшины, и если он был крепок и хорошо сложен, его тотчас передавали няне; если, напротив, он был слаб и увечен, его сбрасывали с Тайготской горы в пропасть.

Благодаря суровому воспитанию, которое они давали своим питомцам, спартанские няни славились по всей Греции, и их выписывали в далёкие края. Как только мальчику исполнялось семь лет, его отбирали от няни. Теперь его содержали, кормили и воспитывали вместе со сверстниками. С раннего детства приучали его преодолевать трудности и при помощи телесных упражнений приобретать власть над своим телом. Достигнув юношеского возраста, лучшие из них могли надеяться приобрести друзей среди взрослых, и эта дружба была пронизана одухотворённой любовью.

Игры юношей происходили в присутствии стариков, которые зорко наблюдали за первыми проявлениями их способностей, похвалой и порицанием разжигая юное честолюбие. Когда молодые люди хотели поесть вволю, им приходилось добывать съестное воровством; тех, кто попадался с поличным, ожидало суровое наказание и позор. Ликург избрал это средство, чтобы смолоду развить в них

Шиллер Ф. Законодательство Ликурга и Солонa filosoff.org
изворотливость и хитрость – качества, которые он в войне – а ведь он воспитывал их для ратного дела – ставил так же высоко, как телесную силу и храбрость. Мы уже видели, как мало Ликург считался с нравственными устоями, когда дело шло о достижении государственных целей. Впрочем, следует принять во внимание, что ни осквернение брака, ни эти вынужденные кражи не могли причинить спартанскому государству того ущерба, который они неминуемо причинили бы всякому другому. Поскольку государство взяло воспитание детей на себя, это воспитание несколько не зависело от того, счастливы ли браки родителей и не запятнала ли их супружеская измена; а поскольку в Спарте почти всё имущество было общим и собственности там не придавали большого значения, то и охрана её не была делом первостепенной важности, как и посягательство на неё, – в особенности, когда само государство поощряло его в определённых целях, – не было преступлением против гражданского права.

Молодым спартанцам было запрещено наряжаться, кроме тех случаев, когда они шли в сражение или навстречу другой великой опасности. В этом случае им дозволялось делать себе затейливую причёску, надевать праздничную одежду, а также украшать своё оружие. Волосы, говорил Ликург, красят тех, кто красив, а некрасивых превращают в уродов. И бесспорно – законодатель поступил весьма прозорливо, связав представление об опасности с тем, что радостно и торжественно, и лишив её тем самым устрашающих свойств. Он пошёл ещё дальше. На войне допускалось некоторое послабление дисциплины: жизнь становилась вольготнее, и проступки наказывались не так сурово. Отсюда произошло, что война для спартанцев была единственным отдыхом, и они приветствовали её, как радостное событие. Когда приближался неприятель, спартанский царь отдавал приказание затягивать [...песнь в честь Кастора... – Кастор и Полидевк, братья-близнецы (известны также под именем Диоскуры – сыновья Зевса). Культ Диоскуров был широко распространён в Лаконии, а позднее в древнем Риме.], и воины, под звуки флейт, сомкнутым строем шли на врага; бодро и бесстрашно устремлялись они, в такт музыке, навстречу опасности.

Законы Ликурга привели к тому, что привязанность к собственности была оттеснена на задний план привязанностью к отечеству, и умы, не отвлекаемые больше заботами личного свойства, полностью отдавали себя государству. Поэтому Ликург счёл полезным и нужным избавить своих сограждан от всяких дел и обязанностей обыденной жизни и взвалить это бремя на чужестранцев; он сделал это затем, чтобы заботы, связанные с повседневным трудом, равно как и увлечение своим хозяйством, не отвлекали их дух от служения интересам отечества. Возделывание полей и домашний труд – всё это легло таким образом на рабов, которых в Спарте рассматривали как рабочий скот. Здесь [...их звали илотами, ибо первыми рабами спартанцев были жители расположенного в Лаконии города Гелоса... – В науке существует также мнение, что само слово «илот» означает покорённый, захваченный в плен. Илоты не были рабами в полном смысле этого слова. Илоты – порабощённое земледельческое население, закреплённое за земельными участками (клерами). Такой участок по жребию отдавался полноправному гражданину Спарты. Ни клеры, ни илоты не могли быть отчуждаемы. Спартанцы по условиям своего быта не могли жить на своих клерах, илоты вели хозяйство самостоятельно и отдавали спартанцам определённую часть урожая. Власть над илотами принадлежала Спартанскому государству в целом. Положение илотов было близким к положению общинных рабов.]; покорённые спартанцами, они были обращены в рабство. От этих илотов получили название и все другие рабы спартанцев, которых они добывали в своих войнах.

Участь этих несчастных людей была поистине ужасающей. На них смотрели как на орудие, которое можно употреблять любым способом, в зависимости от стоящих перед государством целей, и их человеческое достоинство попиралось возмутительнейшим образом. Чтобы спартанская молодёжь могла наглядно представить себе, к каким мерзким последствиям ведёт злоупотребление вином, илотов порой принуждали напиваться допьяна и в таком виде выставляли напоказ в общественном месте. Их заставляли также петь непристойные песни и затевать потешные пляски – пляски свободнорождённых были для них под запретом.

Илотами пользовались и для других, ещё более бесчеловечных целей. Государство считало полезным подвергать испытаниям мужество своих наиболее смелых юношей и в кровавых играх готовить их к войне с настоящим врагом. В этих видах сенат время от времени направлял в сельские местности некоторое число юношей; с собой им давали лишь кинжал и немного еды на дорогу. В течение дня их обязывали таиться в укромных местах, по ночам же они

Шиллер Ф. Законодательство Ликурга и Солона filosoff.org выходили на дороги и убивали илотов, которые попадали в их руки. [Это мероприятие называлось криптией... – Криптии были полицейской мерой, преследовавшей цель предотвращения восстаний илотов путём уничтожения наиболее сильных и опасных из них. Несмотря на зверские расправы с илотами, последние часто восставали; в отдельных случаях восстания илотов угрожали самому существованию Спартанского государства.], или засадой. Впрочем, не выяснено, исходило ли оно от самого Ликурга. Во всяком случае, оно вполне согласуется с его принципами. Чем успешнее были войны, которые вела Спарта, тем больше становилось число этих илотов; с течением времени они стали представлять опасность для государства и доводимые столь варварским обращением до полного отчаянья, поднимали восстания. И вот однажды сенат решился на бесчеловечную меру, которая, как он считал, оправдывалась необходимостью. [Во время Пелопонесской войны... – Война, охватившая всю древнюю Грецию в 431 – 404 гг. до н. э. Причиной её была борьба за гегемонию в Греции между афинской рабовладельческой демократией и спартанской рабовладельческой аристократией. В войне принимали участие два крупнейших политических объединения: с одной стороны, Пелопоннесский союз во главе со Спартой, с другой – афинская держава. Первый период войны (так называемая Архидамова война – от имени спартанского царя, вторгшегося в Аттику) завершился в 421 г. до н. э. компромиссным миром. В 415 г. до н. э. война, однако, возобновилась. Афиняне понесли ряд тяжёлых поражений на суше, вся Аттика была разорена, в 404 г. до н. э. спартанцы взяли и город Афины. В результате войны власть демократии в Афинах сменилась олигархическим управлением «тридцати».], под предлогом, что им якобы даруют свободу, было собрано до двух тысяч самых бесстрашных илотов; их увенчали венками и в сопровождении торжественной, пышной процессии ввели в храм. Здесь эти илоты бесследно исчезли, и никто никогда не узнал, какая их постигла участь. Впрочем, эти жестокости отлично известны; в Греции даже вошло в поговорку, что спартанские рабы – самые несчастные из рабов, тогда как свободные граждане Спарты – самые свободные из свободных граждан.

Поскольку илоты освободили спартанских граждан от всяких трудов и забот, вся жизнь этих граждан протекала в полнейшей праздности. Молодёжь упражнялась в военных играх и в ловкости, тогда как взрослые были зрителями и судьями этих упражнений и состязаний. Для спартанского старца считалось позорным не присутствовать там, где проходило воспитание и обучение юношества. Вследствие всего этого всякий спартанец жил одной жизнью с государством, и всякое дело становилось общественным делом. На глазах у всего народа созревала молодёжь и отцветали люди преклонного возраста. Спартанец ни на мгновение не отрывал глаз от Спарты, и Спарта не отрывала глаз от него. Он был свидетель всему, и все было свидетелем его жизни. Этим непрестанно усиливалось стремление прославиться, питался и поддерживался патриотический дух; идея отечества и интересов отечества внедрялась в сознание каждого гражданина, переплеталась со всей его жизнью. Другим средством развивать эти побуждения были весьма многочисленные в праздной Спарте общественные торжества разного рода. Здесь распевали сложные народом военные песни, в которых обычно прославлялись граждане, отдавшие жизнь за родину, или содержались призывы к доблести. На этих празднествах песни исполнялись тремя хорами: стариков, взрослых мужчин и мальчиков. Начинал хор стариков: «Было время, мы были героями». Им отвечали мужчины: «А ныне герои мы! Приходи, кто хочет, удостоверься!» Затем вступал третий хор, состоявший из мальчиков: «Придёт время, и мы станем героями, и наши деяния затмят тогда ваши».

При беглом взгляде на законодательство Ликурга нас охватывает приятное изумление. В самом деле, среди сводов законов древности законы Ликурга – бесспорно самые последовательные и совершенные, если не говорить о законах Моисея, с которыми они во многом весьма схожи, особенно в отношении принципа, положенного в основу и тех и других. Законодательство Ликурга подлинно завершено в себе; здесь одно влечёт за собою другое, частное держится целым, а целое – частным. И Ликург, пожалуй, не мог бы найти лучших способов достижения той цели, которую он себе поставил – создать государство, которое, будучи изолировано от всех остальных, стало бы самодовлеющим и способно было бы существовать, опираясь на свои внутренние возможности и питаясь собственной жизненной силой. Ни один законодатель не обеспечил своему государству такого единства, такого понимания общности интересов, такого единодушия, какие обеспечил Спарте Ликург. Чем же он достиг этого? Тем, что сумел направить деятельность своих сограждан на служение государству, закрыв для них все иные пути, которые могли бы отвлечь их.

Шиллер Ф. Законодательство Ликурга и Солона filosoff.org
Своими законами он устранил из жизни людей всё, что пленяет души и распаляет страсти, – всё, кроме интересов государства. Богатство и наслаждение, науки и искусство не волновали спартанцев. Поскольку все стали одинаково бедными, люди перестали задумываться над неравенством в распределении жизненных благ, а ведь оно-то и разжигает у большинства корыстные побуждения; стяжательство заглохло само собою, поскольку отпала возможность пользоваться богатством или кичиться им. Глубочайшим невежеством в области как искусства, так и науки, в одинаковой степени затемнившим в Спарте все головы, Ликург оградил её государственное устройство от каких бы то ни было посягательств, которые могли бы исходить от просвещённых умов; более того – это невежество в сочетании со свойственным всем спартанцам грубым пренебрежением ко всему чужестранному, стало неборимым препятствием к их смешению с другими народами Греции. С самой колыбели на каждом спартанце лежал особый отпечаток, и чем больше сталкивались они с другими народами, тем упорнее они должны были держаться внушённых им представлений. Отечество было первым, что открывалось взору спартанского мальчика, лишь только он пробуждался к самостоятельной мысли. Он пробуждался к ней в лоне опекавшего его государства, и его окружало всё то же: народ, государство, отечество. Это было первое впечатление, отложившееся в его мозгу, и вся его жизнь была лишь вечным обновлением этого впечатления.

У себя дома спартанец не находил ничего сколько-нибудь соблазнительного, законодатель убрал с его глаз всё, что могло показаться ему привлекательным. Лишь в лоне государства находил он занятия, увеселения, почести и награды; на государстве – и только на нём – были сосредоточены все его страсти и помыслы. Государство располагало таким образом всей энергией, всеми силами своих граждан, и стремление к общему благу, воодушевлявшее совокупность граждан, питало у каждого в отдельности любовь к своему народу. Поэтому нет ничего удивительного, что доблесть спартанцев, когда дело шло об интересах их родины, достигала таких пределов, которые кажутся нам невероятными. Вот почему у граждан этой республики не возникало ни малейших колебаний, когда требовалось сделать выбор между самосохранением и спасением отечества.

Отсюда же понятно, каким образом [...спартанский царь Леонид и триста героев, сражавшихся с ним вместе... – Имеется в виду подвиг спартанцев, ценой жизни задержавших продвижение персидской армии у Фермопильского ущелья в 480 г. до н. э. Шиллер приводит известное двустишие греческого поэта Симонида (556 – 469 гг. до н. э.), высеченное на памятнике, поставленном греками на месте сражения.], заслужили прекраснейшую в своём роде эпитафию – благороднейший памятник доблести: «Поведай, путник, когда придёшь в Спарту, что, повинувшись её законам, мы пали на этом месте».

Таким образом, нельзя не признать, что нет и не может быть ничего целесообразнее и продуманнее этого государственного устройства, что оно – в своём роде совершеннейшее произведение и что при неуклонном претворении его в жизнь оно по необходимости должно было иметь опору только в себе самом. Но если бы я на этом закончил своё описание, я был бы повинен в крупнейшей ошибке: это поразительное государственное устройство заслуживает решительного осуждения. Для человечества ничто не могло бы быть прискорбнее подражания этому образцу во всех странах. Нам не составит большого труда убедиться в справедливости этого утверждения.

Если проникнуться теми задачами, которые ставил перед собою Ликург, то его законы – поистине мастерское творение государственоведения и знания людей. Он хотел создать завершённое в себе, несокрушимое государство; политическая сила и долговечность этого государства были целью его устремлений, и этой цели он достиг в той мере, в какой это оказалось возможным при данных условиях. Но если сопоставить цель, которая вдохновляла Ликурга, с целью человечества, то восторг, охвативший нас при беглом обзоре деятельности спартанского законодателя, уступит место резкому порицанию её. Всем можно пожертвовать ради государства, но только не тем, для чего само государство является не более как средством. Государство никогда не является самоцелью; оно существует лишь как условие, помимо которого цель человечества недостижима; цель же человечества – не что иное, как развитие всех сил человека, как неуклонное поступательное движение. Если государственное устройство препятствует развитию заложенных в человеке сил, если оно препятствует мощному поступательному движению его духа – оно порочно и губительно, сколь бы продуманным и по-своему совершенным оно ни было во всём остальном. Его прочность в этом случае может быть скорее поставлена ему в

Шиллер Ф. Законодательство Ликурга и Солона filosoff.org
упрёк, чем послужить к его славе, ибо тогда она – не более как
укоренившееся зло; чем длительнее существование подобного государственного
устройства, тем оно вредоноснее.

Вообще говоря, при оценке политических установлений мы должны твёрдо держаться правила, что хороши и похвальны те из них, которые, споспешествуя движению цивилизации вперёд или по меньшей мере не тормозя его, развивают все заложенные в человеке силы. Это в равной мере относится и к законам религии и к законам, касающимся государственного устройства: и те и другие губительны, если они сковывают дух человеческий, если обрекают его на застой. Так, например, закон, который обязывал бы целый народ неизменно придерживаться одного и того же религиозного исповедания, в своё время признанного этим народом наисовершеннейшим, – такой закон был бы посвящением на права человечества, и никакие доводы, сколь бы благовидными они ни казались, не могли бы послужить к его оправданию. Подобный закон был бы направлен против высшего блага, против высшей цели, какую только может поставить перед собой общество.

Применив этот общий критерий к государству Ликурга, мы без долгих колебаний дадим ему свою оценку.

Пренебрегая всеми прочими добродетелями, в Спарте пестовали только одну – любовь к отечеству.

Этому искусственно привитому чувству приносились в жертву естественные, прекраснейшие влечения человечества.

В ущерб всем остальным возвышенным чувствам развивали стремление служить государству и способность к этому служению. В Спарте не знали, что такое супружеская любовь, не знали материнской любви, любви ребёнка к родителям, наконец дружбы. Здесь знали лишь гражданина, лишь гражданскую доблесть. Долгое время восхищались той спартанской матерью, которая, гневно оттолкнув сына, только что воротившегося невредимым с поля брани, поспешила в храм вознести благодарность богам за сына, павшего в бою. От такой противоестественной твёрдости духа человечеству солоно бы пришлось. Мать, исполненная нежности к детям, – явление в нравственной сфере неизмеримо более привлекательное, нежели героическое бесполое существо, отрекающееся от естественного влечения, чтобы выполнить надуманный долг.

[Насколько более прекрасным предстаёт нам в своём лагере под стенами Рима грубый воин Гней Марций... – известен под именем Кориолан. Изгнанный плебсом из Рима, он явился к стенам города в 490 г. до н. э. с вооружёнными отрядами племена вольсков. Только по просьбе матери и жены он согласился снять осаду. Этот эпизод использован Шекспиром для одной из своих драм.], когда он жертвует победой и мстостью, потому что не может видеть слёз своей матери!

Государство становилось отцом ребёнка; следственно, отец, давший ему жизнь, переставал быть его отцом. Ребёнок в свою очередь не мог полюбить ни свою мать, ни отца, ибо, оторванный от них с самого нежного возраста, он знал родителей не по их заботам о нём, но лишь понаслышке.

Ещё более возмутительным образом подавляли в Спарте любое проявление человечности, а уважение к себе подобным – это душа всякого нравственного долга – там было безвозвратно утрачено. Закон, исходящий от государственной власти, вменял спартамцам в обязанность жестокость в отношении их рабов. В лице этих несчастных жертв предавалось унижению и поруганию человечество. И даже в спартанском своде законов проповедовался опасный принцип – рассматривать людей как средство, а не как самоцель; таким образом, сам закон подрывал основы естественного права и морали. Целиком была отброшена нравственность, чтобы получить нечто, имеющее ценность лишь как средство поддержания нравственности.

Возможно ли нечто более противоречивое, и может ли какое-нибудь другое противоречие повести к более страшным последствиям? Мало того, что Ликург воздвиг своё государство на разрушении нравственности, – он стремился ещё и другим способом отвлечь человечество от его высшей цели: свою отлично продуманную системой государственного устройства он задержал дух спартамцев на той ступени, на которой нашёл его, и тем самым навеки остановил его поступательное движение.

Шиллер Ф. Законодательство Ликурга и Солонa filosoff.org

Все виды искусства были изгнаны за пределы страны, науки оставались в полнейшем небрежении, торговые сношения с другими народами подверглись запрету, ничто чужестранное не допускалось. Всеми этими мерами наглухо были закрыты каналы, по которым могли бы просачиваться к спартамцам светлые идеи извне; в вечном однообразии, погружённое в безрадостный эгоизм, обречено было спартанское государство вечно обращаться вокруг себя самого.

Единственной заботой всех его граждан было удерживать за собою то, чем они обладали, оставаться тем, чем они были, не домогаться ничего нового, не подыматься ни на одну ступень. Неумолимо суровые законы призваны были неуклонно следить за тем, чтобы в издавна установленный государственный механизм не проникло ни одно новшество, за тем, чтобы даже развитие, сопряжённое с ходом времени, не изменило формы законов. Чтобы это местное, временное государственное устройство сделать прочным, вечным, потребовалось остановить дух народа на том уровне, на каком он находился, когда это устройство было введено.

Но мы уже видели, что подлинной целью государства должно быть поступательное движение духа народа.

Государство Ликурга могло, однако, существовать лишь при одном условии, а именно: чтобы дух народа оставался неподвижным; следственно, оно могло держаться лишь благодаря тому, что пренебрегало высшей и единственной целью всякого государства. И если в похвалу Ликургу не раз говорили, что Спарта могла процветать, только покуда она следовала букве его законов, то это худшее из всего, что можно было сказать о нём. Именно потому, что она не могла отойти от старой формы государственного устройства, данной ей в своё время Ликургом, не обрекая себя на безвозвратную гибель; что она должна была оставаться тем, чем была; что она вынуждена была вечно стоять на том самом месте, на которое её швырнул один-единственный человек, – именно в силу этого Спарта была несчастнейшим государством, и её законодатель не мог сделать ей более рокового подарка, чем эта прославленная извечность государственного устройства, стоявшего неодолимой преградой на её пути к подлинному процветанию и величию.

Если мы объединим всё это, то исчезнет мишурный блеск, ослепляющий неопытный глаз при поверхностном взгляде на спартанское государство, и мы не увидим в нём ничего, кроме ученической, несовершенной попытки – первых робких шагов юного мира, которому не доставало ещё житейского опыта и умения ясно познавать вещи в их подлинном соотношении. Сколь бы ошибочной ни была эта первая попытка, она останется, да и должна остаться, предметом пристального внимания философски мыслящего исследователя истории человечества. Когда за то, что до сих пор предоставлялось случаю и страстям, взялись как за сложное построение – это, конечно, означало для человеческого ума исполинский шаг вперёд. Первая попытка в этом наитруднейшем искусстве должна была по необходимости оказаться несовершенной, и всё же она ценна, ибо её предмет было самое важное из всех искусств. [Ваятели начали с небольших колонн в честь Гермеса и только в последующем возвысились до совершенных форм какого-нибудь Антиноя или ватиканского Аполлона... – Колонны в честь Гермеса (так называемые гермы), каменные столбы со скульптурным изображением головы бога Гермеса, считавшегося покровителем торговли и путешественников, имели культовое значение и ставились на перекрёстках дорог, на улицах и площадях древнегреческих городов, а также во многих общественных зданиях. Антиной – юноша исключительной красоты, любимец римского императора Адриана (117 – 138), сопровождавший его во всех походах, утонул в Ниле в 122 г. По приказу Адриана было изваяно множество статуй для увековечения красоты Антиноя. Наиболее известная скульптура находится в Луврском музее в Париже. Шиллер имеет в виду находящуюся в Ватикане знаменитую статую Аполлона Бельведерского, приписываемую мастеру Леохару (IV в. до н. э.).]; законодатели ещё долгое время будут предпринимать незрелые попытки разного рода, покуда, наконец, само собой им не откроется счастливое равновесие общественных сил.

Камень терпеливо сносит резец ваятеля, и струны, по которым ударяет рука музыканта, отвечают ему, не сопротивляясь его пальцам.

И только законодатель преобразует самодеятельный и сопротивляющийся ему материал – человеческую свободу. Вот почему ему удаётся лишь крайне несовершенно претворять в жизнь тот идеал, который он в мыслях своих создал таким высоким и чистым. Но даже сама попытка, если она предпринята

Шиллер Ф. Законодательство Ликурга и Солонa filosoff.org
бескорыстно, на благо людям, и осуществляется целесообразными мерами,
достойна всяческой похвалы.

[Солон (ок. 639 – ок. 559 гг. до н. э.) – политический деятель и один из первых поэтов древней Аттики. Своим законодательством, охватывающим прежде всего отношения собственности, нанёс удар родовой аристократии и расчистил пути для развития рабовладельческой демократии в Афинах. Элегии Солонa служат одним из источников изучения социальных отношений в Афинах в VII – VI вв. до н. э.]

Законы Солонa в Афинах были почти полной противоположностью законам Ликурга в Спарте, и, поскольку эти две республики – Афины и Спарта – играли главную роль в истории Греции, чрезвычайно интересно сопоставить их столь различное государственное устройство и взвесить достоинства и недостатки того и другого.

[После смерти Кодра афиняне упразднили монархию, и верховная власть перешла к должностному лицу... носившему титул архонта. – Афинские цари известны только по преданиям; Кодр, последний из них, погиб в борьбе с дворянами. Создание института архонтата относится к глубокой древности. Первые архонты с различными функциями избирались, по-видимому, наряду с басилевсами. Об этом свидетельствует и тот факт, что звание басилевса носил один из архонтов.]. На протяжении почти трёхсот лет в Афинах, как известно, было тринадцать архонтов, но об этом периоде существования новой республики история не сообщает нам ничего примечательного. К концу названного периода здесь снова ожил, однако, демократический дух, свойственный афинянам ещё со времён Гомера. Пожизненность архонтата слишком живо напоминала им монархию былых дней, и к тому же, быть может, предшествующие архонты злоупотребляли своей весьма значительной и долговременной властью. Поэтому срок полномочий архонта был ограничен десятью годами. Это был существенный шаг на пути к грядущей свободе, ибо, избирая каждые десять лет нового властителя, народ тем самым всякий раз подтверждал, что верховная власть остаётся за ним; каждые десять лет он отбирал уступленную им самим власть, чтобы снова вручить её по своему усмотрению. Благодаря этому он неукошнительно помнил то, о чём совершенно забывают подданные наследственных монархий: что источник верховной власти – он сам, а государь – не более как творение всё того же народа.

Триста лет терпел афинский народ архонтов с пожизненной властью, но архонты с десятилетним сроком стали тяготить его уже через семьдесят лет. Это было вполне естественно, ибо в течение этих семидесяти лет архонты избирались семь раз, и, стало быть, ему столько же раз напоминали о его верховенстве. Поэтому дух свободы во второй период должен был проявляться гораздо сильнее, развиваться гораздо стремительнее, чем в первый.

Седьмой из этих архонтов с десятилетним сроком правления был последним архонтом этого рода. Народ пожелал осуществлять свою верховную власть ежегодно; он познал на опыте, что власть, отправляемая в течение десяти лет, достаточно продолжительна, чтобы возник соблазн злоупотребить ею. Поэтому власть архонтов отныне была ограничена одним годом, по истечении которого должны были происходить новые выборы. Но народ пошёл дальше. И поскольку единовластие, хотя бы и кратковременное, уж очень приближается к монархии, он упразднил его, поделив власть между девятью совместно правившими архонтами.

Трое из этих архонтов имели известные преимущества по сравнению с шестью остальными. Первый архонт, именуемый эпонимом, председательствовал в собрании: его имя стояло под всеми официальными актами, этим же именем обозначали год. Второй, именуемый басилевсом, или царём, должен был наблюдать за поддержанием благочестия и заботиться об общественных молебствиях – эти обязанности были унаследованы им от древнейших времён, когда наблюдение за общественными молебствиями было существенной частью царской прерогативы. Третий, называемый полемархом, был верховным военачальником во время войны. Остальные шестеро назывались фесмофетами, ибо им поручалось следить за нерушимостью конституции, блюсти законы и истолковывать их.

Архонтов выбирали из наиболее знатных родов; лишь много позднее эта должность стала доступной и для выходцев из народа. По этой причине

Шиллер Ф. Законодательство Ликурга и Солона filosoff.org
государственное устройство Афин было гораздо ближе к аристократической форме правления, чем к подлинному народоправству, и последнее от этих реформ почти ничего не выиграло.

Решение избирать ежегодно по девять архонтов имело наряду с положительной стороной – устранением возможности злоупотреблять верховною властью – весьма дурную: оно открывало простор для борьбы партий. Вскоре в государстве оказалось немало граждан, которые в своё время были облечены высшею властью и затем лишились её. Сложив с себя звание, они не так-то легко могли забыть его преимущества, забыть об уже изведанных ими радостях власти. Они жаждали снова стать тем, чем были, создавали себе приверженцев, разжигали в республике междоусобицы. К тому же увеличение числа архонтов и более частая смена их пробуждали в каждом знатном и богатом гражданине Афин надежду удостоиться этого звания – надежду, которая прежде, когда звание архонта давалось лишь одному и на более длительный срок, была ведома только немногим. Эта надежда превращалась в конце концов в нетерпение, а оно побуждало их к опасным посягательствам. Таким образом, и те, кому уже довелось быть архонтами, и те, что ещё только мечтали стать ими, были в равной мере опасны для гражданского спокойствия.

Но самым большим злом было то, что верховная власть – и потому, что она была поделена между несколькими архонтами, и вследствие своей кратковременности – стала слабой, как никогда. Недоставало твёрдой руки, которая могла бы сдерживать борьбу партий и обуздать наиболее беспокойные умы. Могущественные, смелые граждане ввергали государство в бесконечную смуту к стремились добыть себе независимость.

Решив, наконец, положить предел неурядицам, обратили взор на некоего безупречного афинского гражданина, перед которым все трепетали, и поручили ему улучшить законы, представлявшие собою до той поры лишь весьма неполный набор освящённых преданием правил. Этого всем внушавшего страх гражданина звали [Драконт – один из архонтов древних Афин. «Законы Драконта» представляют собой произведённую около 621 г. до н. э. запись действовавшего в Афинах обычного права. Шиллер неправильно освещает их сущность. Самый факт кодификации права ограничивал произвол родовой аристократии. Статьи, направленные против кровной мести, свидетельствовали о разложении родового строя и развитии рабовладельческого.]. То был человек, лишённый человеческих чувств, не веривший в человеческую природу и не ждавший от неё ничего хорошего, каждый поступок видевший лишь в тусклом зеркале своей мрачной души, беспощадный к людским слабостям; он был плохой философ и ещё худший знаток человека, непоколебимый в своих предубеждениях, с холодным сердцем, с ограниченным кругозором. Такой человек мог бы отлично выполнять законы; но назначить его, чтобы давать их другим, – худшего выбора нельзя было сделать.

От законов Драконта до нас дошло лишь немногое; но и это немногое рисует нам и самого человека и дух изданных им законов. Все преступления, без всякого различия, он карал смертной казнью: праздность так же, как смертоубийство; кражу кочана капусты или овцы так же, как государственную измену или поджог. Когда его спрашивали, почему незначительные проступки он карает столь же беспощадно, как тяжчайшие преступления, его ответ неизменно гласил: «Самые ничтожные преступления – и те заслуживают смертной казни; но и для больших я не знаю иной кары, как смерть, – вот почему я вынужден назначать её и за те и за другие».

Законы Драконта являются попыткою новичка в искусстве править людьми. Устрашение – вот единственное орудие, которым он действует. Он карает уже совершенное зло, но не пытается помешать ему совершиться; его ни в коей мере не тревожит забота о том, чтобы уничтожить самые источники зла и улучшить людей. Вычеркнуть человека из списка живых за то, что он совершил нечто дурное, – совершенно то же, что срубить дерево, потому что один из его плодов оказался гнилым.

Законы Драконта вдвойне подлежат порицанию – не только потому, что они противоречат священным чувствам и правам человека, но и потому также, что не учитывают особенностей народа, которому он их дал. Если был на свете народ, неспособный процветать при такого рода законах, – это был именно народ Афин. [Рабы... царя царей... – то есть персидского царя.], быть может, в конце концов и свыклись бы с ними, но разве могли афиняне покориться подобному ярму!

Шиллер Ф. Законодательство Ликурга и Солона filosoff.org
И действительно, эти законы имели силу едва на протяжении полувека, хотя законодатель и дал им хвастливое название непреложных законов.

Итак, Драконт очень плохо справился с возложенным на него поручением, и его законы вместо пользы принесли только вред. Поскольку следовать им было немыслимо, а других законов, которые могли бы их заменить, под рукой не было, – всё обстояло так, как если бы Афины не имели никаких законов, и следствием этого явилась плачевнейшая анархия.

Положение афинского народа в то время заслуживает всяческого сочувствия. Один класс населения владел всем, другой, напротив, – ничем; богатые угнетали и немилосерднейшим образом грабили бедных. Между первыми и вторыми встала глухая стена. Нужда гнала бедняков искать защиты у богачей – у тех, кто, как пиявки, высасывал у них кровь, но помощь, которую им оказывали богачи, была жестокой помощью. За деньги, которыми они их ссужали, беднякам приходилось платить чудовищные проценты, и если платёж оказывался просроченным, земля переходила в собственность заимодавцев. Когда у должников ничего не оставалось, а жить как-никак нужно было, нищета заставляла их продавать в рабство своих детей, а когда, наконец, и эта возможность оказывалась исчерпанной, они отдавали в залог себя самих и вынуждены были терпеть, чтобы кредиторы продавали их как рабов. Против этой позорной торговли людьми в Аттике не было издано никакого закона, и ничто не сдерживало гнусной алчности богачей. Положение Афин было ужасно, и чтобы не дать государству погибнуть, нужно было насильственным способом восстановить резко нарушенное равновесие в распределении имущества.

В народе возникли три партии, поставившие себе целью разрешить эту задачу. Первая, в состав которой по преимуществу входили бедные граждане, требовала установления демократии и равного раздела всей земли, проведённого в Спарте Ликургом; вторая, состоявшая из богачей, отстаивала аристократический строй.

Третья стремилась сблизить между собою обе формы государственного устройства и выступала против обеих названных партий, дабы ни та, ни другая не могла добиться своего.

Не было ни малейшей надежды уладить этот спор миром, разве что нашёлся бы такой человек, которому подчинились бы все три партии и которого все они признали бы третейским судьёй.

Такой человек, к счастью, был найден: его заслуги перед республикой, его уравновешенный и кроткий характер, наконец слава о его исключительной мудрости уже давно привлекали к нему взоры народа. Этот человек был Солон, происходивший, подобно Ликургу, из царского рода, поскольку среди своих предков он числил Кодра. Отец Солона, некогда очень богатый, основательно расстроил своё состояние, щедро помогая нуждающимся, и молодому Солону пришлось поначалу заняться торговлей. Путешествия, неизбежные при его роде деятельности, расширили его умственный кругозор, ознакомление с нравами чужих стран способствовало развитию его дарований. С ранних лет начал он пробовать свои силы в поэзии; и навыки, приобретённые им в этом искусстве, пригодились ему в дальнейшем, чтобы облечь в этот приятный наряд политические правила и моральные истины. Его сердце было открыто для радости и любви; увлечения молодости сделали его более снисходительным к людям и наложили на его законы отпечаток мягкости и умеренности, столь прекрасно отличающий их от законов и Драконта и Ликурга. К тому же он был храбрым военачальником, овладел для республики островом Саламином, оказал ей ещё и другие значительные услуги на полях сражений. В те времена между философией и деятельностью на государственном и военном поприще не существовало такого разрыва, как ныне; мудрец был и лучшим государственным мужем, и самым опытным полководцем, и наиболее храбрым воином. Чем бы он ни занимался как гражданин, его мудрость сопутствовала ему. Слава Солона разнеслась по всей Греции, и он оказывал весьма значительное влияние на общее положение дел в Пелопоннесе.

Солон был человеком в равной мере приемлемым для всех существовавших в Афинах партий. Богатые возлагали на него большие надежды, потому что у него самого было состояние. Бедные доверяли ему, потому что он слыл человеком высокой честности. Рассудительные люди между афинянами хотели бы видеть его своим государём, ибо монархия казалась им наиболее верным средством пресечь борьбу партий; его родственники хотели того же, но из своекорыстных соображений, ибо надеялись разделить с ним власть. Солон отвергнул этот

Шиллер Ф. Законодательство Ликурга и Солон filosoff.org
совет. «Монархия, – сказал он, – прекрасное обиталище, но оно не имеет выхода».

Он ограничился тем, что позволил назначить себя архонтом, а также законодателем, причём эти высокие должности он принял весьма неохотно, исключительно ради блага своих сограждан.

Начал он с того, что обнародовал знаменитый указ, получивший название [Сисахфия – отмена долгов и долговой кабалы, которая явилась одним из поворотных моментов афинской истории. Дальнейшее развитие рабства в Афинах после этого идёт уже не за счёт членов самой общины, а за счёт иноплеменников. Сисахфия была направлена против родовой собственности, лежавшей в основе аристократического землевладения. Вместе с тем эта реформа носила умеренный характер, поскольку не было произведено раздела земли и оставались условия для дальнейшего сосредоточения земель в руках крупных землевладельцев.], или снятия бремени. Этим указом все должники освобождались от долговых обязательств; кроме того, заимодавцам отныне возбранялось давать ссуды на условиях кабальной зависимости. Это постановление было бесспорно насильственным посягательством на частную собственность, но насущные нужды государства делали такое насилие необходимым. Из двух зол оно представляло собой меньшее, ибо тех, кто был осчастливлен им, насчитывалось во много раз больше, нежели тех, кто пострадал от него.

При помощи этого благодетельного эдикта Солон раз навсегда сбросил тяжкое бремя, на протяжении многих столетий угнетавшее беднейшие слои населения, но и не вверг в нищету богатых, ибо оставил им в неприкосновенности их владения. Он лишь отнял у них возможность творить несправедливые дела. И, однако, он от бедняков стяжал не большую благодарность, чем от богачей. Бедняки рассчитывали на полный и равный раздел земли между всеми, пример чего был дан Спартою, и поскольку Солон не оправдал этих ожиданий, они открыто выражали своё недовольство. Они забывали при этом, что законодатель обязан быть одинаково справедливым как в отношении бедных, так и богатых и что мера Ликурга не заслуживает подражания именно в силу того, что в основу её положена несправедливость, чего следует всячески избегать.

Неблагодарность народа исторгла у законодателя смиренную жалобу. «Некогда, – сказал он, – со всех сторон доносились до меня одни восхваления, ныне же я встречаю лишь косые, враждебные взгляды». Вскоре, однако, в Аттике сказались благодетельные последствия изданного Солоним указом. Земля, перед тем закабалённая, ныне стала свободной. Теперь афинский гражданин возделывал как свою собственность поле, на котором раньше работал подёнщиком своего заимодавца. Многие граждане, проданные в чужие края и уже начавшие забывать родной язык, вернулись в своё отечество свободными людьми.

Возродилось доверие к законодателю. Наделив его неограниченной властью над собственностью и правами граждан, ему поручили коренным образом перестроить государство. Первое, что он предпринял, воспользовавшись данными ему полномочиями, была отмена законов Драконта, за исключением тех из них, которыми карались убийство и прелюбодеяние.

После этого он приступил к великой задаче – дать республике новую конституцию.

[Имущество всех афинских граждан подверглось оценке, исходя из которой они были разделены на четыре класса или разряда. – Эти разряды соответственно носили названия: пентакосиомедимны, всадники, зевгиты и феты. Солон, определяя границы между разрядами по доходам с земли, вероятно, подвигнул под эти категории также и состоятельных представителей торгово-ромесленного населения Афин, не имевших земельной собственности. Это деление населения на имущественные классы легло также в основу распределения военных повинностей.]

Первый разряд включал тех, кто получал ежегодный доход в количестве пятисот медимнов сыпучих тел или жидкостей.

Во второй входили те, кто имел доход в триста медимнов и возможность содержать лошадь.

В третий – те, кто имел лишь половину такого дохода; [...их объединяли по

Шиллер Ф. Законодательство Ликурга и Солон filosoff.org
двое, чтобы общий доход обоих был равен тем же тремстам медимнам. Поэтому их называли «парной упряжкой». – Толкование Шиллера ошибочно. Лица, принадлежавшие к третьему разряду, были владельцами парной упряжки и должны были обладать доходом в двести медимнов (медимы равнялся приблизительно сорока одному литру)]. Поэтому их называли «парной упряжкой».

В четвёртый входили все те, кто не имел недвижимого имущества и жил только на свой заработок: ремесленники, подёнщики, люди искусства.

Представители трёх первых разрядов могли занимать общественные должности; последний разряд не допускался к ним, но в народном собрании его представители пользовались правом голоса так же, как и прочие, и благодаря этому деятельно участвовали в управлении государством. Народному собранию, называвшемуся экклесией, передавались на рассмотрение и окончательное решение все сколько-нибудь значительные дела: выборы должностных лиц, важные тяжбы, финансовые мероприятия, вопрос о мире и войне. Далее, ввиду некоторой неясности законов Солон, во всех тех случаях, когда у судьи возникали сомнения насчёт толкования закона, который он должен был применить, также полагалось обращаться к экклесии, в последней инстанции определявшей, как именно следует понимать данный закон. Приговоры любого суда также можно было обжаловать перед народом. Люди моложе тридцати лет в народное собрание не допускались, но, достигнув этого возраста, афинянин уже не мог безнаказанно оставаться в стороне от общественной жизни, ибо ни к чему не относился Солон так нетерпимо и ни с чем так не боролся, как с равнодушием к общественным делам.

Таким образом, государственное устройство Афин стало полностью демократическим; народ сделался всевластным в самом строгом смысле этого слова, и правил он не только через поставленных им должностных лиц, но также и непосредственно, самолично.

Вскоре, однако, проявились и вредные стороны такого государственного устройства. Слишком быстро стал народ всемогущим, чтобы пользоваться доставшейся ему властью с подобающе умеренностью. Народное собрание становилось ареной бурных страстей, и шум, производимый столь многочисленной толпой, не всегда позволял надлежащим образом обсудить дело и мудро решить его. Для борьбы с этим злом [Солон учредил сенат, в который вошло по сто человек от каждого из четырёх разрядов. – Члены сената (правильнее – буле, или Совет четырёхсот) избирались не от разрядов по имущественному цензу, а от четырёх фил или племенных союзов, которые населяли Аттику в древности. Совет четырёхсот сохранял, таким образом, архаичные черты родового строя.]. Дела, подлежащие разбору в экклесии, сначала обсуждались в сенате. Ни одно дело не могло быть вынесено на суд народа, если оно предварительно не было рассмотрено сенатом, но окончательное решение принадлежало только народу. После передачи сенатом дела в экклесию, на собрании обычно выступали ораторы, стремившиеся склонить народ к тому или иному решению. Ораторы пользовались в Афинах значительным весом; злоупотребляя своим искусством и впечатлительностью афинян, они столько же повредили республике, сколько могли принести ей пользы, если бы, оставив своекорыстные замыслы, постоянно имели перед глазами лишь истинные интересы государства. Они пускали в ход всё своё красноречие, чтобы представить народу дело в желательном для них свете, и если они владели своим искусством, все сердца были в их власти. При посредстве этих ораторов на народ налагались малоприметные и дозволенные законом оковы. Они властвовали при помощи убеждения, но их власть не становилась менее значительной от того, что кое-что всё же оставалось и на долю свободного выбора. За народом сохранялась полная свобода утвердить или отвергнуть, но искусство, с которым ему изображали дело, сводило эту свободу на нет. Это установление было бы превосходным, если бы обязанности оратора всегда оставались в чистых руках людей, преданных делу народа. Однако ораторы вскоре превратились в софистов, пользовавшихся своей славой исключительно для того, чтобы хорошее представлять дурным, а дурное – хорошим.

[Посреди Афин находилась обширная, предназначенная для народных собраний площадь... она звалась Пританеом. – Пританей – здание, находившееся на южной стороне площади, которая называлась агора.]. На этой площади собирався также сенат, и поэтому сенаторов называли пританами. От притана требовалась безупречная жизнь. Ни расточитель, ни тот, кто непочтительно относился к родителям, ни тот, кто хотя бы раз в жизни напился допьяна, не могли и помыслить о том, чтобы притязать на это звание.

Впоследствии, когда население Афин увеличилось и вместо четырёх установленных Солоном разрядов было создано десять, число пританов возросло с четырёхсот до тысячи. Из этой тысячи в работе сената ежегодно принимало участие не более пятисот, да и то не одновременно. Пятьдесят из них по очереди исполняли свои обязанности пять недель сряду, так что в течение каждой недели было занято всего десять пританов. Этот порядок исключал всякую возможность произвола, ибо на каждого из пританов приходилось столько же свидетелей и наблюдателей его поступков, сколько было членов сената; ведь каждый последующий притан всегда мог без помехи ознакомиться с деятельностью своего предшественника. В течение этих пяти недель созывались четыре народных собрания, не считая внеочередных, благодаря чему ни одно дело не могло оставаться в течение долгого времени нерешённым и задерживать тем самым рассмотрение других дел.

Помимо вновь созданного им сената с его пританами, Солон возвратил также бывшее значение ареопагу, униженному в своё время Драконтом, который считал его слишком человеческим. Сделав ареопаг верховным блюстителем и стражем законов, [...Солон укрепил... республику на двух этих судилищах, то есть сенате и ареопаге... – Совет четырёхсот не был судебным учреждением. Ареопаг – высший государственный совет, восходящий к глубокой древности. Его состав пополнялся бывшими архонтами. Законы Солон сузили компетенцию ареопага, часть его функций отошла к Совету четырёхсот и к народному собранию.], словно на двух якорях.

Оба этих судебных учреждения были созданы с целью охранять государство и его законы от посягательств на них. Десять других судов были заняты отправлением правосудия на основе этих законов. Смертоубийства разбирались четырьмя судебными учреждениями: Палладием, Дельфинием, Фреаттией и Гелизеей. Два первых были основаны ещё при царях, и Солон лишь упрочил их положение. Непредумышленные убийства разбирались Палладием. Перед Дельфинием представляли лишь те, кто считал совершённое ими убийство дозволенным. Суду Фреаттии подлежали исключительно те, кому вменялось в вину преднамеренное убийство, совершённое после того, как в наказание за непредумышленное убийство им было предписано покинуть пределы страны. В последнем случае обвиняемый находился на корабле, а судьи стояли на берегу. Если они устанавливали его невиновность, он спокойно возвращался к месту своего изгнания, теша себя радостной надеждой, что, быть может, когда-нибудь сможет вернуться домой. Если, напротив, его признавали виновным, он столь же беспрепятственно возвращался в изгнание, но уже навеки утрачивал родину.

Четвёртым уголовным судом была [Гелизья – суд присяжных, в котором могли принимать участие все граждане. Компетенция этого учреждения была чрезвычайно широкой: оно принимало отчёты должностных лиц, имело права расторжения государственных и частных договоров, а также занималось разбирательством всех дел, кроме уголовных, которые находились в ведении ареопага. Голизья наряду с народным собранием была наиболее демократическим органом Афинского государства.], обязанная своим названием солнцу, ибо собиралась она обычно сейчас же после восхода солнца и в месте, озаряемом солнцем. Гелизья была особой комиссией при других важнейших судах; члены её были одновременно и судьями и должностными лицами. В их обязанности входило не только применять законы и следить за их исполнением, но также вносить в них поправки и определять правильное их толкование. Заседания Гелизии происходили в торжественной обстановке, и страшная клятва обязывала членов её служить только истине.

По вынесении смертного приговора и при условии, что осуждённый не воспользовался своим правом добровольно уйти в изгнание, его передавали одиннадцати мужам; это была комиссия, состоявшая из десяти членов, по одному от каждого разряда; одиннадцатым был палач. Эти одиннадцать человек осуществляли надзор за тюрьмами и приводили в исполнение смертные приговоры. В Афинах применяли три вида казни. Преступника либо низвергали в пропасть или в морскую пучину, либо его обезглавливали мечом, либо давали ему выпить цикуту.

Следующей по тяжести карой была высылка за пределы страны. В счастливых странах это – ужасное наказание; нет, однако, недостатка и в таких странах, высылка из которых отнюдь не представляет собою несчастья. То, что высылка была вторым по тяжести наказанием, непосредственно следовавшим за смертной казнью, и то, что в тех случаях, когда она присуждалась навеки, её

Шиллер Ф. Законодательство Ликурга и Солонa filosoff.org
приравняли к казни, свидетельствует о высоко развитом у афинян чувстве национального достоинства. Афинянин, изгнанный из своего отечества, не мог во всём мире обрести другие Афины.

Изгнание, за исключением одного вида его – остракизма, сопровождалось конфискацией всего имущества осуждённого. Те граждане, которые своими выдающимися заслугами или благодаря особой удаче достигали исключительного влияния и почёта, несовместимого с республиканским равенством, и поэтому становились опасными для гражданской свободы, нередко подвергались изгнанию прежде, чем они заслужили подобную кару. Чтобы спасти государство, совершали несправедливость в отношении отдельного гражданина. Идея, лежащая в основе такого обычая, сама по себе похвальна, но средство, которое избрали для её претворения в жизнь, говорит о незрелости политической мысли. Такой вид изгнания назывался остракизмом, потому что голоса за него подавались на черепках. Чтобы подвергнуть афинского гражданина подобному наказанию, необходимо было собрать шесть тысяч голосов. Остракизм по самой природе своей в большинстве случаев налагался на достойнейших из граждан; таким образом, он означал скорее почёт, нежели бесчестье, но от этого не становился менее ужасным и менее несправедливым, ибо он отнимал у достойнейших то, что было для них дороже всего, – родину. Четвёртым видом наказания за уголовные преступления являлся позорный столб. Вина преступника излагалась в надписи на позорном столбе, и это навлекло бесчестье на него самого и на весь его род.

Для ведения более мелких гражданских дел было учреждено шесть судов, которые не приобрели сколько-нибудь существенного значения, поскольку осуждённый мог обжаловать их решение, обратившись к вышестоящим судам или к экклесии. За исключением женщин, детей и рабов, всякий сам выступал по своему делу; при помощи водяных часов определялась продолжительность его речи или речи его противника. По наиболее важным гражданским делам судьи обязаны были выносить приговор в течение суток.

Вот всё, что надлежало сказать о политических и гражданских реформах Солонa; но законодатель ими не ограничился. Преимущество древних законодателей перед новейшими состоит в том, что своими законами они воспитывают тех, ради кого эти законы созданы, то есть людей, что они принимают во внимание нравственность, характер, наконец круг знакомств обвиняемого, никогда не отделяя гражданина от человека, как это делается у нас. Наши законы нередко находятся в вопиющем противоречии с нашими нравами. У древних законы и нравы сочетались более гармонически. От их государственных учреждений веет к тому же жизненной теплотой; неизгладимыми чертами запечатлевалось государство в душах граждан.

И всё же, воздавая хвалу античности, следует делать это с оглядкой. Позволительно утверждать, что почти во всех случаях намерения древних законодателей проникнуты мудростью и достойны всяческой похвалы, но средства, которыми они пользовались, всё же несовершенны. Эти средства зачастую свидетельствуют о ложных понятиях и об узости представлений. Там, где мы отстаём, они забегали вперёд. Если наши законодатели были неправы, совершенно пренебрегая нравственными обязанностями и сложившимися обычаями, то законодатели Греции в свою очередь впадали в ошибку, принудительно насаждая нравственные обязанности силою закона. Первым условием нравственной красоты того или иного поступка является свободная воля; но этой свободной воле приходит конец, как только принимаются внедрять добродетель, карая за нарушение правил нравственности. Благороднейшее преимущество человека – принимать решения за себя самого и творить добро ради добра. Никакой гражданский закон не может силою принуждения предписать верность по отношению к другу, великодушие к поверженному врагу, признательность к отцу и матери, ибо, если бы он попытался сделать нечто подобное, свободно возникшее высокое нравственное чувство превратилось бы в порождение страха, в рабское понуждение.

Но вернёмся к Солону.

Один из законов Солонa велит каждому гражданину рассматривать оскорбление, нанесённое кому бы то ни было, как обиду, нанесённую ему самому, и никоим образом не успокаиваться, пока обидчик не получит возмездия. Это превосходный закон, если мы будем исходить из того, какова его цель. Цель же его – внушить каждому гражданину чувство живого участия ко всем остальным и приучить всех и каждого смотреть на себя, как на звено единого целого. Какой приятною неожиданностью было бы для нас оказаться в стране,

Шиллер Ф. Законодательство Ликурга и Солон filosoff.org
где всякий прохожий, по собственному почину, защитил бы нас от любого обидчика! Но насколько умалилось бы испытанное нами от этого удовольствие, когда бы нам стало известно, что он должен был совершить это благое дело по принуждению.

Другой изданный Солоном закон объявляет бесчестным всякого, кто уклоняется от борьбы во время гражданских смут. И этот закон несомненно вызван наилучшими побуждениями. Законодатель стремился вложить в душу каждого гражданина живейший интерес к государству. Равнодушие к родине было для него наиболее ненавистной чертой в характере гражданина. Уклонение от борьбы и впрямь может быть следствием подобного равнодушия; но Солон забывал, что оно же нередко бывает вызвано самым пламенным интересом к отчизне; это происходит тогда, когда обе стороны не правы, обе влекут её к гибели.

Другой из установленных Солоном законов запрещает дурно отзываться о мёртвых, ещё один – злословить насчёт живых где-либо в общественном месте – в суде, в храме, в театре. Солон освобождает рождённых вне брака от сыновних обязанностей, ибо отец, по его мнению, уже полностью вознаграждён испытанным им чувственным наслаждением; равным образом он освобождал сына от обязанности заботиться о пропитании отца и в тех случаях, когда отец не удосужился обучить его какому-нибудь ремеслу. Он разрешал составлять завещания по своему усмотрению и дарить имущество по собственной воле, ибо друзья, которых выбираешь себе по сердцу, стоят, по его словам, большего, нежели те из родственников, с которыми тебя соединяют лишь кровные узы. Он уничтожил обычай давать за невестой приданое, ибо хотел, чтобы браки зиждились на любви, а не на корыстном расчёте. Ещё одна прекраснейшая черта, свидетельствующая о свойственной ему кротости, проявляется в том, что, упоминая неприятные вещи, он старается смягчить слово, которым они именуется. Подати он называет взносами, гарнизон – городской стражей, тюрьму – горницей, а отмену долгов – облегчением. Роскошь, к которой так влекло афинян, он умерил при помощи мудрых распоряжений; строгие законы охраняли целомудрие женщин, взаимоотношения между полами, святость и нерушимость брака.

Эти законы, согласно его указаниям, должны были сохранять силу не больше ста лет, – настолько же он был дальновиднее Ликурга! Он понимал, что законы – лишь слуги воспитания, что народы, достигнув зрелого возраста, нуждаются в ином руководстве, чем во времена своего детства. Ликург увековечил младенческое состояние духа спартанцев, дабы увековечить свои законы, но созданное им государство исчезло, исчезли и его законы. Солон же, напротив, не обещал своим законам особого долголетия, ограничив его всего ста годами, а между тем многие из них и поныне продолжают жить в римском праве. Время – справедливый судья всех заслуг.

Солон упрекали в том, что он предоставил народу слишком большую власть, и этот упрек не лишён основания. Зботливо избегая одного подводного камня – олигархии, он чрезмерно приблизился к другому подводному камню – анархии, но не подошёл к ней вплотную, а только приблизился, так как сенат пританов и судилище ареопага держали народовластие в крепкой узде.

Зла, неотделимого от демократии, непродуманных, подсказанных страстью решений и незатухающей борьбы партий, разумеется, нельзя было избежать и в Афинах. Но это зло следует скорее относить за счёт избранной законодателем формы, нежели приписывать его существованию демократии. Солон совершил крупную ошибку, дозволив народу выносить решения не через своих представителей, а непосредственно; при скоплении огромной толпы это не могло протекать без замешательства и беспорядков, и, поскольку большая часть этой толпы была неимущей, порою также не обходилось и без подкупа. Можно себе представить, сколь бурными были такие собрания; ведь для вынесения приговора об остракизме требовалось самое малое шесть тысяч голосов. Если же, с другой стороны, принять во внимание, до чего хорошо даже самый заурядный афинянин был знаком с общественными делами, как мощно говорил в нём патриотический дух, как усердно законодатель позаботился о том, чтобы отечество было для гражданина превыше всего, то у нас создастся более высокое представление о политическом разумении афинской черни, и мы по крайней мере остережёмся делать о ней слишком поспешные выводы на основании знакомства с простым народом нашей страны. Многолюдные собрания всегда влекут за собой некоторое ослабление законности; малочисленным же трудно полностью уберечься от аристократического деспотизма. Найти благодетельное среднее между тем и другим – задача исключительной трудности, и решить её предстоит грядущим

Шиллер Ф. Законодательство Ликурга и Солон filosoff.org
столетиям. Меня всегда поражает дух, направлявший Солон в его законодательной деятельности, – дух здорового и подлинного искусства государственного строительства, никогда не упускавший из виду основного принципа, на котором должны зиждиться все государства, а именно: законы, подлежащие в будущем строгому соблюдению, должны создаваться теми, для кого они предназначены, причём гражданские обязанности надлежит выполнять сознательно и из любви к родине, а не под воздействием рабского страха перед наказанием, слепого и безразличного подчинения воле вышестоящего.

Прекрасной и замечательною чертою Солон было и то, что он глубоко уважал человеческую природу и ради государства никогда не жертвовал человеком, ради средства – конечную целью, а, напротив, заставлял государство служить человеку. Его законы были не тягостными узами, и дух афинского гражданина, не стесняемый ими, легко и свободно развивался во всех направлениях, никогда не ощущая, что они ведут его за собой. Другое дело законы Ликурга: это были железные оковы, ранившие непокорных и принижавшие дух человеческий, давя на него всей своей неимоверной тяжестью. Афинский законодатель открыл для усердия и дарований своих сограждан все возможные в его время пути, тогда как спартанский законодатель оставил своим согражданам один-единственный путь, преградив остальные глухою стеной, – тот путь, что ведёт к заслугам на политическом поприще. Ликург законами предписывал праздность, Солон сурово карал её. Вот почему в Афинах проявлялись все добродетели, цвели все ремёсла и все искусства, был развит дух предприимчивости; вот почему там люди подвизались во всех отраслях знаний. Разве найдёшь в Спарте [Сократ, Фукидид, Софокл, Платон. – Сократ (469 – 399 гг. до н. э.) и Платон (427 – 347 гг. до н. э.) – крупнейшие философы-идеалисты древней Греции; Фукидид (455 – 396 гг. до н. э.) – выдающийся историк; Софокл (497 – 406 гг. до н. э.) – великий драматург. Все они были жителями Афин.]? Спарта могла породить лишь властителей да ещё воинов, но не художников, не поэтов, не мыслителей и не граждан вселенной. Как Солон, так и Ликург – великие люди, оба они к тому же и честные люди, но сколь различно воздействие, которое они оказали, исходя в своей работе из совершенно противоположных принципов! Афинский законодатель окружён свободой и радостью, трудолюбием и изобилием, вокруг него теснятся все искусства и все добродетели, все музы и грации взирают на него с благодарностью и зовут его отцом и создателем своим! Вокруг Ликурга пустынно, здесь нет ничего, кроме тирании и её ужасного спутника – рабства, потрясающего цепями и проклинающего виновника своих бед и несчастий.

Характер народа – точнейший слепок с его законов; поэтому он и наиболее справедливый судья их достоинств и недостатков. Ограничен был разум спартанца и бесчужденно было его сердце. Он являл гордость и высокомерие в отношениях со своими союзниками, жестокость с побеждёнными, бесчеловечность, раболепство перед вышестоящими; в переговорах, которые ему приходилось вести, он был бессовестен и коварен, в решениях – деспотичен, и даже его величие и его добродетелям не хватало той чарующей прелести, которая одна завоёвывает сердца. Афинянин, напротив, был кроток и приветлив в обращении, учтив, непринужден в беседе, благожелателен к нижестоящим, гостеприимен и обходителен с чужеземцами. Приверженный к роскоши и щёгольству, он, однако, на полях битвы сражался как лев. Одетый в пурпур и умощенный благовониями, он одинаково [...приводил в содрогание и полчища Ксеркса... – Персидский царь Ксеркс (486 – 465 гг. до н. э.), из династии Ахеменидов, предпринял в 480 – 479 гг. до н. э. поход в Грецию. По подсчётам немецкого историка военного искусства Дельбрюка, армия Ксеркса насчитывала двести тысяч бойцов. Грекам эта армия, превосходившая во много раз их силы, представлялась огромной; так, Геродот оценивает её численность в 5.283.220 человек – цифра невероятная для того времени.] и суровых спартанцев. Он ценил радости, доставляемые чревоугодием, и с трудом мог устоять перед соблазнами сладострастия, – однако обжорство и непристойное поведение влекли за собой в Афинах бесчестье. Ни один народ древности не почитал в такой мере благопристойность и щепетильность, как их почитали афиняне; [...во время войны с Филиппом, царём македонским... – Имеется в виду отец Александра Македонского, царствовавший в 359 – 336 гг. до н. э.], царём македонским, афинянам довелось как-то перехватить несколько его писем и среди них одно, предназначенное его супруге; все остальные письма афиняне вскрыли, это они отослали обратно в неприкосновенности. В счастье афинянин был преисполнен великодушием, в несчастье – стоек, и в этом случае он ради отечества, не задумываясь, отваживался на всё. В отношениях со своими рабами он был человечен, и слуга, подвергшийся жестокому обращению, мог принести жалобу на своего господина-мучителя. Даже на животных простирал этот народ своё великодушие; по окончании постройки храма Гекатонпедона

Шиллер Ф. Законодательство Ликурга и Солона filosoff.org последовало распоряжение отпустить на волю всех вьючных животных, работавших на этой постройке, и пожизненно предоставить им, не требуя с них работы, лучшие пастбища. Некоторое время спустя одно из них добровольно явилось туда, где производились работы; оно упорно бежало впереди животных, таскавших на себе тяжести. Это зрелище до того умилило афинян, что они решили содержать отныне эту верную тварь за счёт государства в особых условиях. Однако справедливость обязывает меня не замалчивать ошибки афинян, ибо истории не подобает быть панегириком. Народ, восхищающий нас утонченностью своих нравов, своей кротостью и мудростью, нередко позорил себя постыднейшею неблагодарностью по отношению к величайшим своим мужам, жестокостью к поверженному врагу. Избалованный лестью своих ораторов, гордый своею свободой, кичившийся своими блестящими достоинствами, он зачастую с непереносимой надменностью угнетал своих союзников и соседей и на общественных совещаниях давал себя увлечь духу легкомыслия и своеволия, не раз обрекая этим на неуспех усилия наимудрейших своих государственных деятелей и приводя государство на край гибели. Каждый афинянин в отдельности был податлив и мягкосердечен, но в общественном собрании он становился совершенно другим человеком. Вот почему [Аристофан (450 – 388 гг. до н. э.) – древнегреческий комедиограф. Произведения его являются ценным источником для изучения социальной и политической борьбы в Афинах в V – IV вв. до н. э.] изображает своих сограждан мудрыми старцами дома и глупцами в народных собраниях. Любовь к славе и жажда новизны всецело владели ими и порою доводили их до неистовства; ради славы афинянин готов был пожертвовать своими богатствами, своей жизнью и нередко своей добродетелью. Венки из масличных ветвей, надписи на колонне, вещающая о его заслугах перед согражданами, были для него более действенным поощрением к подвигам, чем для перса – бесчисленные сокровища, которыми обладал его повелитель. Насколько невоздержан был афинский народ в проявлениях неблагодарности, настолько же бурно выражал он и свою благодарность. Привлечь хотя бы на один день внимание такого народа, стать тем, кого после собрания он с триумфом сопровождает домой, было для алкавших славы афинян наслаждением более высоким и вместе с тем более истинным, нежели те, которые мог бы доставить монарх любимейшим своим рабам: ведь гораздо труднее заставить восхищаться собою целый народ, гордый и умеющий чувствовать, нежели заслужить расположение одного человека. Афинянин по самой природе своей не мог пребывать в покое; его дух непрерывно гнался за новыми впечатлениями, ему требовались всё новые и новые удовольствия. Этой жажде новизны нужно было каждодневно давать пищу, иначе она могла обернуться против самого государства. Вот почему зачастую бывало спасительным новое зрелище, вовремя показанное народу: оно нередко предотвращало мятеж, угрожавший общественному порядку; вот почему и узурпатор нередко добивался успеха рядом сменяющих друг друга увеселений, потворствуя этой страсти народа! И вот почему горе достойнейшему из граждан, если он не мог постигнуть искусство что ни день представлять новым и освежать воспоминание о своих деяниях и заслугах!

Закат жизни Солона был не столь безмятежным, как он того заслужил. Чтобы избавиться от назойливости афинян, ежедневно докучавших ему расспросами и предложениями, он, после того как законы его были приняты и вошли в силу, совершил путешествие в Малую Азию, на острова и в Египет, где беседовал с мудрейшими людьми своего времени; он посетил царя Креза в Лидии и [...побывал при дворе египетского царя в Саисе. Рассказы о его встречах с Фалесом Милетским... – Сведения о путешествиях Солона содержатся в «Истории» Геродота. Саис – город в дельте Нила, столица фараонов позднего Египта. По преданию, Солон заимствовал некоторые законы фараона Яхмоса II (Амазиса, 569 – 520 гг. до н. э.). Фалес милетский (624 – 547 гг. до н. э.) – основоположник греческой науки и философии.] и с Крезом настолько известны, что задерживаться на них не стоит. Возвратившись в Афины, [...Солон нашёл государство, раздираемое на части борьбою трёх партий, во главе которых стояли... Мегакл и Писистрат. – Мегакл возглавлял партию паралиев – жителей приморской полосы, где преобладали торговцы и ремесленники. Паралии стояли за сохранение солоновского устройства. Писистрат был вождём диакриев – крестьян гористой части Аттики, которые требовали передела земли. Третья партия – педиеи (жители равнины) – представляла интересы крупных землевладельцев, требовавших возврата к досолоновоким временам. Во главе этой партии стоял Ликург...расцвело творчество... Анакреонта и была основана Академия. – Анакреонт (570 – 488 гг. до н. э.) – великий лирический поэт древней Греции. Его именем названа поэзия, воспевающая любовь и наслаждение (анакреонтика). Академия – философская школа, основанная Платоном в 387 г. до н. э. в священной роще (в честь героя Академуса) того же названия близ Афин. От названия этой школы ведет своё происхождение и современное слово

Шиллер Ф. Законодательство Ликурга и Солонa filosoff.org «академия»]. Мегакл стал могущественным и грозным противником благодаря своим огромным богатствам. Писистрат – благодаря выдающемуся уму и талантам. Писистрат, когда-то любимец Солонa, Юлий Цезарь Афин, появился однажды перед народным собранием распостёртый на колеснице, мертвенно бледный, весь забрызганный кровью, струившейся из раны, которую он сам себе нанёс в руку. «Взгляните, – воскликнул он, – как из-за вас разделались со мною враги! Жизнь моя всегда будет в опасности, если вы не примете мер к её защите». Тотчас друзья Писистрата предложили, по его же наущению, приставить к нему стражу с тем, чтобы телохранители неотступно следовали за ним всякий раз, как он отправится в общественное место. Солон догадался о коварстве этого предложения и горячо, но тщетно возражал против него; оно было принято, к Писистрату приставили телохранителей, и вскоре он, подчинив их своей воле, овладел афинскою крепостью. Теперь с глаз народа спала завеса, но было поздно. Ужас объял Афины; Мегакл с приверженцами бежал из города, уступая его узурпатору.

Солон, единственный, кто не дал себя обмануть, теперь был единственным, кто не утратил мужества; и подобно тому, как прежде он прилагал всяческие усилия, чтобы, пока не поздно, удержать своих сограждан от опрометчивости, так и теперь он стремился во что бы то ни стало поднять их дух. Не найдя, однако, ни с чьей стороны поддержки, он ушёл домой и, сложив своё оружие перед входной дверью, воскликнул: «Я сделал для блага отечества всё, что мог!» Он не захотел бежать из Афин и продолжал горячо осуждать безумие граждан и бессовестность тиранов. На вопрос друзей, откуда у него берётся смелость противостоять тому, кто всемогущ, он ответил: «Мой возраст придаёт мне мужество». Он умер, так и не увидев отчизну свободною.

Впрочем, Афины не стали добычей варвара. Писистрат был благороден и чтит законы Солонa. В дальнейшем он дважды был свергнут своим соперником и дважды снова овладевал городом, пока, наконец, упрочив свою власть, не стал спокойно управлять государством; его подлинно значительные заслуги и великие добродетели заставили забыть о том, что он узурпатор. Покуда он стоял у власти, никто не чувствовал, что Афины потеряли свободу, настолько мягким и чуждым гнёта было его правление; казалось, властитель не он, но законы Солонa. Писистрат положил начало золотому веку Афин; при нём занялась пленительная заря греческого искусства. Он умер, оплакиваемый всеми, как любимый отец.

Начатое им дело было продолжено его сыновьями, Гиппархом и Гиппием. Братья правили в полном согласии, в равной мере воодушевляемые любовью к науке. При них расцвело творчество Симонида и Анакреонта и была основана Академия. Всё устремилось [...навстречу блистательному веку Перикла. – Перикл – крупнейший государственный деятель Афин, время его правления (443 – 429 гг. до н. э.) совпадает с наивысшим политическим и культурным расцветом афинской державы.]

© Перевод с немецкого А. Бобовича, 19??

Комментарии

Ликург – Государственное устройство, приписываемое Ликургу, относится современной наукой в основном к VIII в. до н. э. Существование самого законодателя хотя и представляется правдоподобным, однако не подтверждено историческими свидетельствами. С V в. до н. э. в Спарте существовал культ Ликурга – бога света.

Сенат – орган государственной власти, носил название герусии, то есть совета геронтов (старейшин). Герусия выполняла функции верховного суда, а также частично военного совета. Геронты в историческое время были выборными лицами. Оба басилевса (царя) были также членами герусии.

...продолжатель дела Ликурга восполнил этот пробел и добавил эфоров... – Коллегия эфоров (наблюдателей) состояла из пяти человек. Относительно времени возникновения и функций этого органа существуют большие разногласия во мнениях античных авторов. Главной задачей эфоров был контроль над

Шиллер Ф. Законодательство Ликурга и Солона filosoff.org
действиями царей – басилевсов. Полномочия эфоров были чрезвычайно широкими: от них зависел набор ополчения, они контролировали действия царей в походах и имели право привлечь их к суду.

Он повелел всем гражданам Спарты питаться за общим столом... – Эти трапезы, носившие название сисситий, или фидитий, были одним из проявлений военизированного быта спартанцев. Женщины к участию в сисситиях не допускались и должны были, напротив, вести довольно замкнутый образ жизни.

...песнь в честь Кастора... – Кастор и Полидевк, братья-близнецы (известны также под именем Диоскуры – сыновья Зевса). Культ Диоскуров был широко распространён в Лаконии, а позднее в древнем Риме.

...их звали илотами, ибо первыми рабами спартанцев были жители расположенного в Лаконии города Гелоса... – В науке существует также мнение, что само слово «илот» означает покорённый, захваченный в плен. Илоты не были рабами в полном смысле этого слова. Илоты – порабощённое земледельческое население, закреплённое за земельными участками (клерами). Такой участок по жребию отдавался полноправному гражданину Спарты. Ни клеры, ни илоты не могли быть отчуждаемы. Спартанцы по условиям своего быта не могли жить на своих клерах, илоты вели хозяйство самостоятельно и отдавали спартанцам определённую часть урожая. Власть над илотами принадлежала Спартанскому государству в целом. Положение илотов было близким к положению общинных рабов.

Это мероприятие называлось криптией... – Криптии были полицейской мерой, преследовавшей цель предотвращения восстаний илотов путём уничтожения наиболее сильных и опасных из них. Несмотря на зверские расправы с илотами, последние часто восставали; в отдельных случаях восстания илотов угрожали самому существованию Спартанского государства.

Во время Пелопоннесской войны... – Война, охватившая всю древнюю Грецию в 431 – 404 гг. до н. э. Причиной её была борьба за гегемонию в Греции между афинской рабовладельческой демократией и спартанской рабовладельческой аристократией. В войне принимали участие два крупнейших политических объединения: с одной стороны, Пелопоннесский союз во главе со Спартой, с другой – афинская держава. Первый период войны (так называемая Архидамова война – от имени спартанского царя, вторгшегося в Аттику) завершился в 421 г. до н. э. компромиссным миром. В 415 г. до н. э. война, однако, возобновилась. Афиняне понесли ряд тяжёлых поражений на суше, вся Аттика была разорена, в 404 г. до н. э. спартанцы взяли и город Афины. В результате войны власть демократии в Афинах сменилась олигархическим управлением «тридцати».

...спартанский царь Леонид и триста героев, сражавшихся с ним вместе... – Имеется в виду подвиг спартанцев, ценой жизни задержавших продвижение персидской армии у Фермопильского ущелья в 480 г. до н. э. Шиллер приводит известное двустишие греческого поэта Симонида (556 – 469 гг. до н. э.), высеченное на памятнике, поставленном греками на месте сражения.

Насколько более прекрасным предстаёт нам в своём лагере под стенами Рима грубый воин Гней Марций... – известен под именем Кориолан. Изгнанный плебсом из Рима, он явился к стенам города в 490 г. до н. э. с вооружёнными отрядами племени вольсков. Только по просьбе матери и жены он согласился снять осаду. Этот эпизод использован Шекспиром для одной из своих драм.

Ваятели начали с небольших колонн в честь Гермеса и только в последующем возвысились до совершенных форм какого-нибудь Антиноя или ватиканского Аполлона... – Колонны в честь Гермеса (так называемые гермы), каменные столбы со скульптурным изображением головы бога Гермеса, считавшегося покровителем торговли и путешественников, имели культовое значение и ставились на перекрёстках дорог, на улицах и площадях древнегреческих городов, а также во многих общественных зданиях. Антиной – юноша исключительной красоты,

Шиллер Ф. Законодательство Ликурга и Солонa filosoff.org
любимец римского императора Адриана (117 – 138), сопровождавший его во всех походах, утонул в Ниле в 122 г. По приказу Адриана было изваяно множество статуй для увековечения красоты Антиноя. Наиболее известная скульптура находится в Луврском музее в Париже. Шиллер имеет в виду находящуюся в Ватикане знаменитую статую Аполлона Бельведерского, приписываемую мастеру Леохару (IV в. до н. э.).

Солон (ок. 639 – ок. 559 гг. до н. э.) – политический деятель и один из первых поэтов древней Аттики. Своим законодательством, охватывающим прежде всего отношения собственности, нанёс удар родовой аристократии и расчистил пути для развития рабовладельческой демократии в Афинах. Элегии Солонa служат одним из источников изучения социальных отношений в Афинах в VII – VI вв. до н. э.

После смерти Кодра афиняне упразднили монархию, и верховная власть перешла к должностному лицу... носившему титул архонта. – Афинские цари известны только по преданиям; Кодр, последний из них, погиб в борьбе с дворянами. Создание института архонтата относится к глубокой древности. Первые архонты с различными функциями избирались, по-видимому, наряду с басилевсами. Об этом свидетельствует и тот факт, что звание басилевса носил один из архонтов.

Драконт – один из архонтов древних Афин. «Законы Драконта» представляют собой произведённую около 621 г. до н. э. запись действовавшего в Афинах обычного права. Шиллер неправильно освещает их сущность. Самый факт кодификации права ограничивал произвол родовой аристократии. Статьи, направленные против кровной мести, свидетельствовали о разложении родового строя и развитии рабовладельческого.

Рабы... царя царей... – то есть персидского царя.

Сисахфия – отмена долгов и долговой кабалы, которая явилась одним из поворотных моментов афинской истории. Дальнейшее развитие рабства в Афинах после этого идёт уже не за счёт членов самой общины, а за счёт иноплеменников. Сисахфия была направлена против родовой собственности, лежавшей в основе аристократического землевладения. Вместе с тем эта реформа носила умеренный характер, поскольку не было произведено раздела земли и оставались условия для дальнейшего сосредоточения земель в руках крупных землевладельцев.

Имущество всех афинских граждан подверглось оценке, исходя из которой они были разделены на четыре класса или разряда. – Эти разряды соответственно носили названия: пентакосиомедимны, всадники, зевгиты и феты. Солон, определяя границы между разрядами по доходам с земли, вероятно, подводил под эти категории также и состоятельных представителей торгово-ремесленного населения Афин, не имевших земельной собственности. Это деление населения на имущественные классы легло также в основу распределения военных повинностей.

...их объединяли по двое, чтобы общий доход обоих был равен тем же тремстам медимнам. Поэтому их называли «парной упряжкой». – Толкование Шиллера ошибочно. Лица, принадлежавшие к третьему разряду, были владельцами парной упряжки и должны были обладать доходом в двести медимнов (медимы равнялся приблизительно сорока одному литру).

Солон учредил сенат, в который вошло по сто человек от каждого из четырёх разрядов. – Члены сената (правильнее – буле, или Совет четырёхсот) избирались не от разрядов по имущественному цензу, а от четырёх фил или племенных союзов, которые населяли Аттику в древности. Совет четырёхсот сохранял, таким образом, архаичные черты родового строя.

Посреди Афин находилась обширная, предназначенная для народных собраний

Шиллер Ф. Законодательство Ликурга и Солонa filosoff.org
площадь... она звалась Пританеем. – Пританей – здание, находившееся на южной стороне площади, которая называлась агора.

...Солон закрепил... республику на двух этих судилищах, то есть сенате и ареопаге... – Совет четырёхсот не был судебным учреждением. Ареопаг – высший государственный совет, восходящий к глубокой древности. Его состав пополнялся бывшими архонтами. Законы Солонa сузили компетенцию ареопага, часть его функций отошла к Совету четырёхсот и к народному собранию.

Гелиэя – суд присяжных, в котором могли принимать участие все граждане. Компетенция этого учреждения была чрезвычайно широкой: оно принимало отчёты должностных лиц, имело права расторжения государственных и частных договоров, а также занималось разбирательством всех дел, кроме уголовных, которые находились в ведении ареопага. Гелиэя наряду с народным собранием была наиболее демократическим органом Афинского государства.

Сократ, Фукидид, Софокл, Платон. – Сократ (469 – 399 гг. до н. э.) и Платон (427 – 347 гг. до н. э.) – крупнейшие философы-идеалисты древней Греции; Фукидид (455 – 396 гг. до н. э.) – выдающийся историк; Софокл (497 – 406 гг. до н. э.) – великий драматург. Все они были жителями Афин.

...приводил в содрогание и полчища Ксеркса... – Персидский царь Ксеркс (486 – 465 гг. до н. э.), из династии Ахеменидов, предпринял в 480 – 479 гг. до н. э. поход в Грецию. По подсчётам немецкого историка военного искусства Дельбрюка, армия Ксеркса насчитывала двести тысяч бойцов. Грекам эта армия, превосходившая во много раз их силы, представлялась огромной; так, Геродот оценивает её численность в 5.283.220 человек – цифра невероятная для того времени.

...во время войны с Филиппом, царём македонским... – Имеется в виду отец Александра Македонского, царствовавший в 359 – 336 гг. до н. э.

Аристофан (450 – 388 гг. до н. э.) – древнегреческий комедиограф. Произведения его являются ценным источником для изучения социальной и политической борьбы в Афинах в V – IV вв. до н. э.

...побывал при дворе египетского царя в Саисе. Рассказы о его встречах с Фалесом Милетским... – Сведения о путешествиях Солонa содержатся в «Истории» Геродота. Саис – город в дельте Нила, столица фараонов позднего Египта. По преданию, Солон заимствовал некоторые законы фараона Яхмоса II (Амазиса, 569 – 520 гг. до н. э.). Фалес Милетский (624 – 547 гг. до н. э.) – основоположник греческой науки и философии.

...Солон нашёл государство, раздираемое на части борьбою трёх партий, во главе которых стояли... Мегакл и Писистрат. – Мегакл возглавлял партию паралиев – жителей приморской полосы, где преобладали торговцы и ремесленники. Паралии стояли за сохранение солоновского устройства. Писистрат был вождём диакриев – крестьян гористой части Аттики, которые требовали передела земли. Третья партия – педиеи (жители равнины) – представляла интересы крупных землевладельцев, требовавших возврата к досолоновоким временам. Во главе этой партии стоял Ликург.

...расцвело творчество... Анакреонта и была основана Академия. – Анакреонт (570 – 488 гг. до н. э.) – великий лирический поэт древней Греции. Его именем названа поэзия, воспевающая любовь и наслаждение (анакреонтика). Академия – философская школа, основанная Платоном в 387 г. до н. э. в священной роще (в честь героя Академуса) того же названия близ Афин. От названия этой школы ведёт своё происхождение и современное слово «академия».

...навстречу блистательному веку Перикла. – Перикл – крупнейший государственный деятель Афин, время его правления (443 – 429 гг. до н. э.)

Шиллер Ф. Законодательство Ликурга и Солона filosoff.org
совпадает с наивысшим политическим и культурным расцветом афинской державы.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimeg.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimeg.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!